

В.Я. Шишков

С котомкой

Москва
Книга по Требованию

УДК 82-3
ББК 84

В.Я. Шишков

С котомкой / В.Я. Шишков – М.: Книга по Требованию, 2011. – 64 с.

ISBN 978-5-458-03955-0

Один из первых послереволюционных очерков В.Я. Шишкова, вышедший в свет благодаря поддержке Максима Горького в 1922 году.

ISBN 978-5-458-03955-0

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Шишков Вячеслав
С котомкой

Вяч. Шишков
"С КОТОМКОЙ"
ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О совхозах. - Начинаем строить. - Умный дурак. - Масляные фокусы. - Кого он любит? - Пьяная взятка. - Самогон. - Налоги душат. - Убойная дорога. Настроения.

Отправились путешествовать по одному из северо-западных уездов вдвоем с моим другом Кузьмичем, агрономом местного совхоза. Было серое утро. Лохматые облака грозили дождем. С горки, как на ладони: речка, церковь и в кудрявых зеленях - совхоз. А вот крестьянские поля, вот только что расчищенная лесная заросль: унавожена, вспахана, но еще торчат пни. Крестьяне пускают теперь в ход каждый клочок земли, осушают болота, рубят кусты.

- Нужда велит, - объясняет дядя, с которым мы остановились покурить. Ране-то у помещиков в аренду брали, либо исполу работали. А теперича совхозы кругом, раздуй их горой. Совхоз, известно, в аренду уж не даст мужику земли, сидит, как собака на сене. А где мужику взять земли? Вот и лезем в лес. Выходит, что раньше-то, до революции, у нас земли гораздо больше было.

- Но ведь совхозы-то работают, - возражаю я.

- А провались они со своей работой. Только землю зря пакостят. Наемный рабочий - он нешто хозяин земле? Его колом надо на работу-то выгонять. На себя выработать не могут. Богадельня-магушка.

- Там все-таки образцовое хозяйство.

- Тьфу ихнее образцовое хозяйство! Капуста - и та с килой. Образцовые хозяйства. Эвот в Липцовском совхозе тыщу десятин, дак разве мужик чего поймет. А ежели наше правительство с понятием, надо сделать так: все совхозы в три шеи, а землю мужикам. Хлеба ахнем - горы! А для наглядности науки - в каждой волости по маленькому совхозу, десятин на 25, как в хуторе. Вот и пусть там работают по науке. У меня хутор, и там хутор. Значит, на одной дорожке стоим. Только что я темный дурак, а там главные специалисты. Вот я и приду учиться к ним: а ну-ка, как образованность гласит? И все перейму оттудова: восьмиполье, севооборот, травосеянье и все такое. А на кой чорт я к нему на тыщу десятин-то пойду смотреть, у него там весь распорядок иной, для мужика неподходящий. Понял, нет?

- Ну, а как заведующие совхозами? Кажется, народ дельный, хороший?

- Да для себя-то они шибко хороши, свое возьмут, - и крестьянин

плутовато подмигнул. - Оно и вправду сказать, кому охота на чужом деле стараться-то, раз он служащий? Ну, вот он и гонит в свой карман. Кого ему бояться? Ревизии? А взятка-то на что? Поделят - шито крыто, а в казну - фига. Вот какие дела, и винить их нечего. Кого хочешь на ихнее место посади, тебя ли, меня ли, все равно, будем и мы хапать. Разве что дурак какой сыщется по чести жить. И того слопают живо. Как кто? А кому мешает, тот и слопают. А нет - так и в омут башкой. Очень просто.

- Что же делать-то? - спросил я.

- А вот что делать. Я ж тебе сказал. Вот, скажем, совхоз в тыщу десятин, правительству убыток от него огромный. К чорту все! На тыще десятин 75 хуторов можно разбить, да в настоящие руки: "владель"! 75 хозяев. Понимаешь! Хозяев! А земля настоящего хозяина любит крепко.

- У государства запасный земельный фонд должен быть, - сказал Кузьмич.

- Ну, фонд. Пускай будет фонд. Это ничего. Фонд все-таки землю в аренду будет отдавать, все-таки мужику будет льготней.

Вдогонку закричал:

- А вы пошире шагайте-то! в Дубраве праздник нынче, Преображенье... Погуляете.

* * *

Дорога свернула на луг и скоро уперлась в речку. На высоком берегу, в парке, барское гнездо, обращенное теперь в больницу. Мы навестим доктора на обратной дороге, теперь же дальше, в путь.

- Вот погляди, как пулемет работал, - говорит мне Кузьмич, показывая пронизанные пулями мостовые перила, - на той гривке, в лесу, белые были, а здесь - красные.

Отлично оборудованная водяная мельница. С десяток крестьян нарубают новые венцы на быках и устоях плотины, перестеляют мост, а ещ 1000 е в прошлом году здесь нельзя было проехать. Я прошел много верст по деревням, видел: ремонтируются совхозские постройки, чинятся мосты, крестьяне делают новые избы. Итак, топор опять заработал по Новой России, пусть не иступится.

В верхнем этаже мельницы приспособлена "динамо", она подает энергию по всему больничному хозяйству, в школы первой и второй ступени, и в школьное общежитие, лежащее отсюда в двух верстах. В прошлом году ток подавался очень слабый, свет был скудный, и только трое крестьян пожелали освещать свои избы, а теперь, когда лампочки накаливаются по-настоящему, крестьяне и рады бы были ввести такое новшество, да поздно: мощность "динамо" ограничена.

По дороге и дальше, напрямик по пашням, врыты свежестру-
ганные столбы. Вот трое молодых людей быстро подставляют к
столбу лестницу, ввинчивают простенькие, бутылочного стекла
изоляторы и натягивают провод. Это новая телефонная сеть, соеди-
няющая совхозы, волисполкомы, школы и дальше - уездный центр.
Значит, работа началась и в этой области.

- Где лестницу-то взяли, товарищи? - спрашиваю.

- Да вроде как на станции украли. А что ж, ежели ничего не дали
нам, проволоку и ту на своих горбах прем.

- Скоро проведете?

- Живо! Кому час возиться, а у нас в неделю закипит.

Бодрые, сытые, в бутылке самогон.

* * *

До самой станции идем возле дороги лесом. Нынче масса ягод
и, в особенности, грибов.

- К войне, - говорят крестьяне. - Гриб завсегда к войне.

Попадаются окатные валуны, наследие ледникового периода.
Вот хутор латыша: чистая изба, скотный двор, амбары. Тут же
пашня: яровые, картофель, греча, клевер - урожай недурен.

Об этом латыше стоит сказать пару слов. Он наглядно показал,
что значит настойчивость и сила воли. Пять лет тому назад он купил
у помещика совершенно непригодный к земледелию клочок земли
десятины в две, болото, камень на камне и дряблый полусгнивший
лес.

- Вот дурак-то, - посмеивались мужики. - Да на этом месте
только чорту в кулак свистать.

А чрез пять лет все зацвело и зазеленело. Осушительные каналы,
груды собранных камней и вывороченных пней говорят о каторжном
труде. Зато теперь всего вдоволь: коровы, овцы, две лошади, пасека,
даже сторожевая шавка, едва не разорвавшая мне штаны. Сытно
живет на проклятой, когда-то засыпанной камнями земле большая
семья, и латыш, попыхивая трубочкой, подсмеивается над мужика-
ми.

- Молодца, Мартын! И самогонка у тебя - огонь.

* * *

Наконец, лесная тропинка приводит к железнодорожной стан-
ции. Это целый небольшой поселок. Ссыпной пункт, где принимают
продналог, отделение "Пепо", лавка сельского кооператива и еврей-
ская лавчонка, где и товару-то на пять целковых серебром, но все
дешевле.

Идем мимо какого-то помещения, набитого мужиками. Это арестованные, не внесшие масляного налога. А возле сидят несколько человек кружком, играют от нечего делать в карты.

- Работа стоит, а мы сидим, как пни, что ты будешь делать! Пахать время, сеять время. Ах ты, Господи...

Конечно, и здесь не без курьезов. Так уж, должно быть, издревле ведется на Руси.

У серого дома - хвост. Крестьяне, бородатые, безусые и древние, в руках кринки, ведра, туеса, набитые сливочным маслом, а то и просто узелки. Уж не за самогонкой ли, думаю, стоят. Нет, в этом доме добрейшей души фельдшер, и дров у него, надо быть, заготовлено вдоволь: с утра до ночи горит плита, а православные перетапливают масло.

- Зачем же это? - спрашиваю.

- А, вишь ты, требуется так, значит, по декрету. А мы не знали ничего, сливочного привезли. Нас и погнали вон. Нет - чтобы в исполкомах да по деревням объявить. А то: подавай столько-то скоромного масла, а какого - пес его ведает. Вот и бьемся. Спасибо, фершал в положение вошел.

В одной из деревень старик рассказывал мне:

- Притащил я, значит, масла сколько полагается. Меня назад. "Пошто?" "Топленое давай". - Я и то, я и се, нет. Заладили одно: топленое давай. Я домой, пешком. А деревня-то наша за 25 верст. Истопили со старухой, а оно, Бог с ним, не стынет, а срок налога вот-вот кончится. Налил в чугунок, пошел. А оно, Бог с 1000 ним, бултыхается, сколько расплескал, и тряпица-то вся в масле. Сниму да пососу, все-таки жаль. Пососу, пососу, да опять вперед. Так все и сосал. Пришел сдавать, не берут. Иди, грыт, остуди. Пошел в речку. Сидел, сидел в воде у краюшка, не стынет, потому жарыща, и вода теплая. Я опять на пункт. Мол, не стынет. А они: ты бы, говорят, поглубже, в омутину. А я им: щука я, что ли, на самом-то деле! Тогда иди, говорят, на станцию, там есть такой, называется, погреб. Еле укланял я на станции, впустили. Стал я, благословясь, на льду корячиться с чугуном-то, да едва, Бог с ним, не опрокинул, потому темно, и рученьки дрожат. Все-таки маленько выплеснул на лед. Одначе, застыло, колупнул это я пальцем - твердое. В радостях понес. Взвесили: "четыре фунтов не хватает, гражданин". - Это я гражданин-то, значит, а ране все товарищем обозначали. "Давай, гражданин, еще четыре фунта". А где я их возьму. "Купи, а то домой иди". Едва укланял, чтоб это-то хоть приняли, достальное додам, мол, а то срок уйдет. "Явите божецкую милость, ведь мне седьмой

десяток, и хромой я, болонища на ноге". Выдали мне фитанец. Прикултыхал домой, пять суток на эту потеху ушло. Через неделю член с книжкой. "А с тебя, Куприянов, четыре фунта недоимки". - "Нет у меня ни масла, ни денег!" - "Тогда самовар возьму". Я с радостью: "Бери, товарищ, самовар!" А самоваришка у меня немудрящий, весь в заплатах, и без кранту, Васютка-внучек кран-то потерял, швырнул в борова, боров такой все ходил к нам посторонний, весь огород изрыл, чтоб его пятнало, подлеца... Ну, дак вот, бери, кричу, самовар, а мало - вот тебе чайник, вот котелок, еще чего не хочешь ли? - все забирай, только ослобони ты меня, не тревожь больше! Вот где сидит у меня этот самый налог, вот! Ноги в кровь разбил, хоть на карачках ползай.

В другой деревне говорили:

- Ты думаешь, там чисто дело-то, на пунхте-то этом? Жулики. Ты свое масло сдал, а другой пришел с деньгами, твое масло продадут ему, да от него же и примут. Сколь разов так было. Кого хошь спроси. Э, да пес с ним! Наше деле сдать, приказ исполнить, а куда пойдет - дело ихнее.

Пишу то, что слышал и видел. Пишу по совести. Наблюдатель должен выявлять светлые стороны жизни нашей молодой Респуб-лики, и огнюдь не скрывать ее темных сторон. Полагаю, что в этом долг каждого.

* * *

Итак, мы шагаем дальше. Озимое сжато и вывезено с полей. Урожай озимых определенно плох. Дозревают яровые хлеба. На них надежда. Виднеются в стороне от дороги несколько хуторов, видимо, выехали давно. Почему у местного крестьянина почти полное отсутствие чувства прекрасного? А ведь живет среди полей, среди соловьиных песен и блеска зорь. Избенки неважные, перевезенные со старых пепелищ, дедовской постройки, и хоть бы одна финти-флюшечка, расписные ставни, что-ли - хоть бы один куст цветов. А вот латышский хутор - совсем не то. Видна некоторая культурность, изба белая, веселая, ворота струганные, с резьбой, немудрящий садик, а вот и финтифлюшка - раздраконенный всеми красками скворешник на шесте.

По жнивью попадают вехи и новые межевые знаки: это работают землемеры, мужик усиленно идет на хутора. Но об этом после.

Тучи не желают шутить, заморосил дождь, а мы в одних рубахах, да котомки за плечами. Но вот позади затарактела телега.

- Кузьмич, да это ты никак?

- Я. Здравствуй, Степан Федотыч, - отвечает агроном.

- Здорово, Александр Кузьмич, здорово, дружок! Скачи в телегу, подвезем. Товарищ, залезайте.

Степан Федотыч весьма деятельный, но плохо грамотный крестьянин. Он председатель общества животноводства в своем родном селе. По письменной части ему помогает сын его, красноармеец, работающий совершенно безвозмездно, просто из любви к делу.

- Вот, по епархии своей иду, - отвечает агроном на вопрос Степана Федотыча. - В двух местах хочу сельскохозяйственное товарищество организовать. И при них кооперативы. Крестьяне очень просят.

- А зачем же ты пешком? - спрашивает тот. - Раз просят, лошаденку должны прислать. Посылают же за попом. А впрочем, наш брат-мужик, ежели дарма ему дают - давай, а чуть из его кармана - зубами за коп 1000 ейку держится. Кого он любит? Только себя любит.

- Отчего это так? - спрашиваю я.

- А кто его знает. То ли природа наша такая волчья, то ли выработки настоящей не было. Кто нас учил, чему учили? А так что ничему, как поганки в лесу росли. От этого самого мужик только себя и знает. Ему да-ко-сь наплевать на всех. Эвота школа у нас, надо поддерживать, дрова, ремонт. Бездетные или малодетные не хотят. Не желаем, да и все, у нас, мол, нет детей. Да ведь дело-то общественное! Братцы! Ведь ежели на многодетных повинность навалить, им не сладить, дурья ваши головы! Никаких толков, им хоть кол на башке теши. Так и гибнет дело. Да-а... А я за жмыхами на станцию ездил. Думали, Питер не пришлет. Нет, спасибо, триста пудов прислали.

Агроном объясняет мне, что по его почину в нескольких волостях крестьянскими обществами организуется выставка племенного крестьянского скота, и за лучшие экспонаты будет выдаваться, как поощрение, по несколько пудов жмыхов. Петербург отнесся к этому делу сочувственно.

- Вот ты и прими в соображение, что я тебе расскажу, - начал Степан Федотыч. - Ну, мужик уж темный человек, а вот эти-то на станции малость почище нашего брата, а гляди, сколь прекрасно взятку любят брать. Приехали мы на десяти подводах, наши общественники. На станции все под дрезину пьяные. Я к весовщику, требую взвесить жмых. Выпивши, не желает. Я к начальнику станции, тоже, выпивши: бери, говорит, на взгляд. Да как же на взгляд, раз дело-то общественное? Я к милиции, вся пьяна под дрезину, и

старший ихний пьян. Оказывается, дело просто: вчера купеческий скот принимали. Да тоже не хотели принимать, мол, вагоны заняты, через четыре дня примем. Ну, значит, заплатили взятку, что следует быть, да ведро самогону выставили, живо нашлись вагоны, бегом, бегом, через два часа поезд, - подцепили, фють! поехали. Вот и обожрались вчерашний день самогоном-то, да и сегодня гуляют. Ну и мы, грешным делом, спросили, сколько причитається дать. - "Тони три бутылки самогону". На счастье наше, шагает человек, сзади кошель, а в кошеле что-то побултыхивает. Не самогон-ли? Самогон. Почему бутылка? Три лимона. Шагай дальше, дорого. Глядим, другой идет рыжий мужчина этакий, бутыл под пазухой с самогоном. Почему? Два с половиной. Шагай дальше! Пошли мы на зады. Возле телеги народ, глядим самогонку покупают. Почему? Два мильона. Ну мы и...

- Неужели так много самогонки делают? - спросил я.

- Не приведи Бог, - сказал крестьянин, - на хуторах, по деревням, даже духовные лица которые. Ну, те, известно, для себя. А наш брат на продажу больше.

- Да для чего это?

- Как для чего? Кто от достатку, а кто и от бедности. Видишь, неурожай нынче, поневоле гнать приходится которым.

Я удивленно поднял брови:

- Как же так?

- Да очень просто. Я тебе по пальцам объясню. В прошлом году хлеба девать было некуда, ну изрядно гнали вроде для удовольствия личности. А нынче неурожай, а налоги громадные, много больше прошлогодних, прямо удивительно, как это там разочли в Москве. Страсть, ей-богу, страсть! У многих всю рожь под метелку отобрали, а яровых дай Бог, чтобы до Рождества, а там - в куски. Ну, вот теперь ты и слушай. Из пуда хлеба десять бутылок самогону выходит. Крестьянин продаст, да на эти деньги четыре пуда муки-то купит. Два опять в дело, а два - в запас. Да опять продаст, так себя и обеспечит до нового урожая. Вот, милый человек. Другой плачет, да гонит. Нужда велит. От латышей пошло, от хуторян. Головастый народ, выдумщик.

* * *

Едем дремучим лесом. Дорога ухабистая и грязная. А дальше - сплошной кисель. Берем в об'езд, по лужам. И я с изумлением вижу, что это не лес, а форменный обман: пашни подползли к самой дороге и вековые деревья, создающие иллюзию первобытных дебрей, тянутся лишь неширокой полосой по ее обочинам. А дорога дей-

ствительно убийственная. От булыжной мостовой остались жалкие следы: камни выворочены и разбросаны в беспорядке, выбоины, как медвежьи берлоги ночью шею береги, канавы затянуло землей и поросли бурьяном. Да и не мудрено: много лет не было ремонта, а между тем по этой дороге двигались обо 1000 зы и батареи - наши и белогвардейцев.

- Самая убойная дорога, - говорит Степан Федотыч, - в восемнадцатом году красные мобилизовали у нас в волости 78 подвод, снаряды везли мы. Осень, грязища, а провианта для лошадей нет и самим жрать нечего, прямо край пришел. И солдатишки-то впроголодь воевали. Еще попервости тогда красная-то армия была. Одначе скovyрнули белых.

Он рассказывает много курьезного, как красные удирали от белых, а белые от красных, как зеленые по ошибке целые сутки пластались против белых, и как красные впрах разнесли и тех и других.

- Вот тут наше орудие стояло, вот там - другое. А белые в Дубраве были притаившись, - рассказывал крестьянин.

Он свернул налево, а мы зашагали вперед. Догоняем группу подвыпивших крестьян: три парня в брюках и рыжебородый дядя - козырь на ухо. Парни, посовываясь носами, идут сторонкой и горланят с присвистом:

"Это будет после-едний решительный бой!" - но вместо удали слышится ожесточение.

Дядя идет напрямиком, посреди дороги, не разбирая луж.

- Сорок семь пудов им подай... А? Нет, ты рассуди, Кузьмич... А жрать-то мне что? Сколевать, али как? Э-эх!! - рванул он кулаком по воздуху и едва удержался на ногах.

Лес кончился, пошли желтобурые поля и засерела Дубрава на пригорке. Из деревни вышла толпа, завернула влево и остановилась на пашне.

- Что это плясать, что ли, вышли, - сказал парень.

- Здесь не пляшут, - отозвался другой, с гармошкой. - Это поп молебствует.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Праздничная деревня. - У Филиппа Петровича. - Молодежь. - Разговоры. Мужика надо поддержать. - Крамольные речи. - Свежая струя. - Тяга к хуторскому хозяйству. - Плясы. - Молебен. - Мы, интеллигенты...

Избы, избенки, исправные дома, часовня. Настроение праздничное. Из открытых окон веселые, взвинченные самогонкой и пивом,